

ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕОГРАФИИ

УДК 910.1

ЛАНДШАФТ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ГЕОГРАФИИ

© 2025 г. Ю. Г. Тютюнник*

Институт эволюционной экологии НАН Украины, Киев, Украина

**e-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com*

Поступила в редакцию 23.11.2024 г.

После доработки 20.03.2025 г.

Принята к публикации 31.03.2025 г.

Каждая фундаментальная наука имеет свой своеобразный и неповторимый, базовый или основной объект исследования. Методы и методология его изучения для этой науки оригинальны и специфичны, они не генерируются в других фундаментальных науках. В онтологическом и эпистемологическом отношениях базовый объект исследования выступает как наиболее общий, глубокий, предельный. География относится к фундаментальным наукам, следовательно, у нее должен быть свой такой объект исследования. Исторически сложилось так, что на роль основного (предельного) объекта исследования географии претендовали и претендуют: а) пространство (геопространство), б) ойкос (Земля как дом человечества, географическая оболочка, геоэкосистема), в) ландшафт. В статье показывается онтологическое различие между ними, и сравниваются их преимущества и недостатки как базовых объектов исследования. Обосновывается точка зрения, что с позиций онтологии, статусу основного объекта изучения географии наилучшим образом отвечает ландшафт. Такой взгляд на него был сформулирован в 1880–1900-е годы в некоторых немецких географических школах (О. Шлютер, Й. Виммер), и среди германоязычных авторов пользуется популярностью и по сей день. География в них приравнивается к ландшафтоведению (“география как *Landschaftskunde*” по выражению П. Джеймса и Дж. Мартина). В русскоязычной географии подобные взгляды своих первых сторонников нашли в лице Л.С. Берга и Б.Б. Полынова. Подробно рассмотрены онтологические, гносеологические и экзистенциальные свойства ландшафта, которые, по мнению автора, могут расцениваться как прямые и косвенные свидетельства того, что основным объектом исследования географии является именно он. Очерчены некоторые методологические вопросы и методические проблемы, возникающие в географической науке в том случае, если она своим базовым объектом исследования принимает ландшафт.

Ключевые слова: география, ландшафтоведение, объект исследования, ландшафт, пространство, ойкос

DOI: 10.7868/S2658697525030014

ВВЕДЕНИЕ

“Объект” и “предмет” исследования — непереносимые атрибуты любой науки. Для некоторых научных текстов, например, диссертаций и авторефератов, употребление опций “объект” и “предмет” исследования является обязательным. Однако удовлетворительных определений, что суть есть “объект” и “предмет” исследования, сами научные тексты чаще всего не дают. С нашей точки зрения, это нормально. Категории объекта и предмета исследования являются настолько всеобъемлющими и обобщающими, базовыми и концептуальными, что дать им законченную трактовку в рамках самого научного дискурса сложно. Тогда исследователь обращает-

ся за помощью к науковедению и философии, но и это помогает не всегда (и у философов встречаются разночтения). В особенно сложных случаях категории “объект” и “предмет” исследования рассматриваются в общекультурологическом контексте. Но и это не панацея, хотя такой контекст силен тем, что переводит проблему в практическую плоскость, а практика — лучший оценщик адекватности и полноты любой теории.

В онтологическом смысле объект и предмет исследования можно с некоторой долей условности считать одним и тем же, по-разному акцентуированным. Объект исследования обычно рассматривается больше как явление природы (в том числе природы человека), а предмет

исследования — как явление рефлексии (вызываемой, в первую очередь, практикой). Явление природы, напоминает кантовскую вещь в себе или гуссерлевскую нозму, воспринимается и фиксируется преимущественно интуитивно. А явление рефлексии оформляется в разнообразные понятия, категории, дискурсы той науки, которая на него “смотрит”. Резкого различия между объектом и предметом исследования нет. Огрубляя, можно сказать, что объект и предмет исследования по ходу научной работы различаются в рамках дилеммы “интуиция—логика”. В то же время, следует помнить, что объект исследования онтологически первичнее предмета. Относительно предмета исследования допустимы методические и даже эпистемологические ошибки: со временем они исправляются. Объект же исследования таких ошибок по отношению к себе не допускает. Если в выборе или узнавании “своего” объекта исследования той или иной наукой допускается ошибка, то это уже онтологическая ошибка, которая может свести на нет все результаты теоретического труда.

В эвристическом отношении объект и предмет исследования науки могут быть суженными и расширенными. Чем уже эмпирическое исследовательское поле науки, тем меньшим будет набор признаков, свойств, смыслов, понятий которыми репрезентируют и характеризуют ее объект и предмет изучения. И наоборот: чем обширнее список изучаемых фактов, феноменов, закономерностей, процессов и т.д., тем большим будет число признаков объекта и понятий предмета исследования, которые используются в научной работе. В самом общем случае мы будем иметь дело с наукой фундаментальной. Например, если рассмотреть такой эвристический (познавательный) ряд как “геоморфология карстовых областей → динамическая геоморфология → геоморфология в целом → физическая география → география в целом”, то несложно видеть, что объект исследования науки своего максимального онтологического и эпистемологического наполнения достигает в ситуации “география в целом”. Нам и предстоит выяснить, каким именно объектом исследования конституируется (утверждается) география в такой ситуации, проще говоря — какой объект исследования должен считаться для нее самым адекватным — базовым как для науки фундаментальной?

Поискам ответа на этот основной вопрос географами всегда уделялось, уделяется и будет уделяться самое пристальное внимание. Только в русскоязычных работах последней трети XX в. поиск онтологических оснований географической науки находим у исследователей: А.Д. Арманда, Д.Л. Арманда, А.Г. Исаченко, В.С. Лямина, У.И. Мересте, Н.К. Мукитано-

ва, В.М. Пашенко, В.С. Преображенского, А.Ю. Ретеюма, Б.Б. Родомана, Ю.Г. Саушкина, В.Б. Сочавы, А.К. Черкашина и целого ряда других ученых. Сегодня поиск базовых, онтологических оснований географии имеет тенденцию смещаться в область философии постмодернизма, растет интерес к концепциям постгуманизма и трансгуманизма. Особые (по мнению автора завышенные) ожидания связываются с междисциплинарностью и синергетикой. Философско-методологический поиск оснований географии, вчера характерный для единой, теоретической, математической географии, сегодня находит свое продолжение в попытках создания разного рода метагеографий, постгеографии, трансдисциплинарной геоэкологии и т.п.

Анализ географических и философско-методологических трудов в области поиска основополагающего объекта исследования географии показывает, что в XX — начале XXI в. в ней сосуществовали и продолжают сосуществовать три главных онтологических претендента на роль базового, изначального объекта исследования: а) *пространство*, б) *ойкос*, в) *ландшафт*. Обычно они рассматриваются в более или менее тесной связи, что порождает своеобразные гео-гибриды, которые также делают заявки на роль главного объекта исследования географической науки: геомир, геоситуация, геосреда, геопространство и т.д. В ойкосе, как составляющие, различают пространство и ландшафт, а в ландшафте — ойкос и пространство (последнее особенно характерно для англоязычной географии). Иногда, как на претендующие иметь статус основного объекта географии, указывают категории онтологически более узкие или на своеобразную методологическую “экзотику”, например, “географическую форму движения материи” (В.С. Лямин). Мы не станем рассматривать ни гибридные, ни экзотические категории, такое рассмотрение только запутало бы и без того непростой вопрос. Остановимся на “а”, “б” и “в”.

ПРОСТРАНСТВО

С легкой руки Иммануила Канта географию называют пространственной наукой, противопоставляя ее темпоральной истории. Хорошо известны, афоризмы, сказанные классиками о пространственности географии. Можно вспомнить высказывания Н.Н. Баранского о том, что пространство — душа географии; В.С. Преображенского о том, что география — среди всех наук самый выразительный и последовательный представитель пространственного подхода; Ю.В. Медведкова о географии как пространствоведении. Из зарубежных классиков известными сторонниками онтологической пространствен-

ности географии были “отец” хронологии Альфред Геттнер, У. Айзард, У. Бунге, В. Кристаллер, Ф. Шеффер, П. Хаггет, Д. Харвей (Харви), Р. Хартшорн, Т. Хёгерstrand и др.

Географы к пространству, как онтологическому базису своей науки, апеллируют не непосредственно, а через те или иные “геопроизводные”, или, если воспользоваться удачным термином Г.Д. Костинского, через географическую матрицу пространственности (Костинский, 1997). Она формируется такими категориями как *территория, место, район, регион, край, область, зона, сектор*, иногда менее известными и более замысловатыми понятиями, такими как *геоареал, локус, топос, хорион, хора* и т.п.

Пространстволюбы от географии всегда находили мощную поддержку у пространстволюбов-философов, начиная с Канта. Пространство и разнообразные “пространственности” и “пространствования” очень популярны сегодня как у географов-гуманитариев, так и у сторонников точных методов и компьютерной географии. Пространство с сонмом его смысловых и лексических производных и далее могло бы оставаться сильным претендентом на роль онтологической основы географии, если бы в XX в. географов не “подвели под монастырь” ... физики. Начиная с квантовой механики и теории относительности, пространство обернулось такими своими онтологическими сторонами, которые мешают рассматривать его как бытийно первичное основание географии. Так, Альберт Эйнштейн писал: “Пространство существует не само по себе, а только как структурная особенность поля” (Эйнштейн, 1966, с. 758). Это значит, что в онтологическом смысле пространство не первично, ему предшествует поле. Структура поля, согласно Эйнштейну, отождествляется с метрикой пространства-времени, а метрика, в свою очередь, зависит от распределения энергии. Мало того, существует связь между пространством и гравитацией: об искривлении пространства вокруг больших масс знают многие. Раз пространство зависит от масс и создаваемой ими гравитации, значит онтологически первично не оно, а массы. Еще сильнее запутывает вопрос об онтологическом статусе пространства квантовая физика (особенно теория суперструн). Наибольшие философские, методологические и методические сложности создаются таким “монструозным” физическим явлением как *планковская длина*. Это промежуток пространства размером 10^{-34} м, который, согласно современной физике, может рассматриваться как “квант пространства”. Пространства меньшей протяженности попросту не существует. Тогда возникает простой вопрос: “А что вместо пространства существует в интервалах $<10^{-34}$ м?” Вразумительного онтологического ответа на этот

вопрос у физиков нет, они и сами этого не отрицают, полагая, что на расстояниях $<10^{-34}$ м существует «область без физических взаимодействий. <...> “Внутри” планковского кванта не может быть ничего, нет никаких отличных друг от друга свойств и качеств, нет никаких элементов» (Эрекаев, 2014, с. 96). “Между квантами пространства нет пространства! — восклицают физики. — Но если кванты пространства отделены друг от друга, значит, между ними должно что-то быть! Что? Это уже какая-то новая неметрическая физика” (Эрекаев, 2014, с. 103–104).

То, что находится между квантами “ 10^{-34} , м,” в философии известно издавна и постоянно привлекало внимание мыслителей, начиная с Левкиппа и Демокрита в Европе, Лао-цзы в Китае, индийских атомистов-вайшешиков... Это “что-то” чаще всего называют *пустотой*, на Востоке — шуньей или шуньей, иногда, чтобы подчеркнуть онтологическую важность пустоты, говорят “Великая Пустота”. Исаак Ньютон продуктивно использовал Великую Пустоту Левкиппа-Демокрита для создания своей механики. Он приписал пустоте свойство универсального вместилища и объявил это вместилище пространством. Но и такое пространство оказывается онтологически вторичным. Для того, чтобы стать вместилищем, ему необходимо быть разграфленным системой координат, что требует наличия в пустотном мире: а) своеобразной графики, с помощью которой можно было бы произвести разграфку осей координат, б) того, кто будет делать разграфку (“чертежника”), каковым может быть для материалиста — человек, для идеалиста — Бог или какой-то произвольный мифопоэтический персонаж, например, “Демон Лапласа”.

Впрочем, философия ньютоновского пространства-пустоты географов интересовала и интересует мало. Они всегда отдавали предпочтение аристотелевской трактовке пространства, как ритмике, порядку и конфигурации расположения тел, окруженных каждое своим местом. У Аристотеля пространство — результат мещения. Но в этом случае получается, что онтологически первичным является место, а не пространство и вся пространственная география превращается в географию “местную”. Приходится прояснять статус онтологически первичного места, а это невозможно сделать без обращения к категории пространства: замкнутый круг.

Географов также мало беспокоит маленькое пространство планковской длины и большое космических размерностей мега- и гига-. Для географического цеха важно соразмерное человеку земное пространство — *геопространство*. Однако целиком игнорировать негеографическое пространство не стоит. Во-первых, оно, так или

иначе, дает о себе знать в методике, в частности в проблеме, которую называют пределом географичности. Во-вторых, метрика-размерность пространства континуальна (по крайней мере, до планковской длины), и деление пространства на географические и негеографические размерности — не более чем субъективистский методический прием, не имеющий под собой строгого онтологического основания. В-третьих, в географии известны попытки выхода за пределы географичности как в мегамиры Космоса¹, так и в микроскопию молекулярно-квантовой стихии²... Конечно, эти попытки методологической “погоды” в географической науке не делают, но это — сегодня. А как будут обстоять дела завтра? Тенденция к вмешательству географического мышления в сферы пространства “не своей” размерности есть, она крепнет, сбрасывать ее со счетов нецелесообразно: а вдруг в веке этак 22-м она выведут нашу науку на новые орбиты географического познания миров³?

¹ Умозрительные попытки преодолеть размерность земного пространства восходят, если не к средневековой астрономии и географии (геоцентрическая система), то уж точно — к Александру фон Гумбольдту (книга “Космос”). Онтологически они сопряжены с философией множественности миров и космизма (Демокрит Абдерский, Дж. Бруно, Б. Фонтенель, В.И. Вернадский, О. Стейнхилд, В.П. Визгин, Б. Грин и др.). Космические интенции землеведения исходили из объективной необходимости учитывать влияние на Землю ближнего Космоса, Луны и Солнца. Сегодня они многократно усилились в связи с развитием планетологии и космических методов исследования Земли. С психологической и эвристической точки зрения, географически воспринимаемый космос просто “заставляет” исследователей выходить за пределы географичности, примеряя полет географического мышления к явлениям природы мега- и гига-масштабов. В географической литературе не часто, но довольно регулярно, предлагается даже своеобразный “космогенный” концептуально-терминологический аппарат, например понятия астрогеографии И.М. Забелина (1958), астрохориона А.Ю. Ретеюма (1988), косморала В.М. Пашенко (1993), внеземного краеведения — в контексте научно-фантастической литературы Ю.А. Веденина (2016).

² Попытками распространить географические понятия и подходы на явления природы милли-, микро- и нано-масштабов можно считать обращение к таким понятиям, как *микрорландшафтоведение* В.Н. Солнцева (1981), *микробный пейзаж* С.Н. Виноградского (1952), *территория молекулярных миров* генетики Х. Альбельды (2004) и др.

³ Многообещающей нам видится, в частности, предложенная Ж. Делёзом и Ф. Гваттари концепция *планоменона* (2010). В ней онтологическим статусом наделяется своеобразная скользяще-бегущая размерность, которая идентифицируется и интерпретируется одновременно и по вертикали (“от одного масштаба к другому”), и по горизонтали (“в пределах одного и того же масштаба”), тем самым придавая понятию размерности диагональные свойства и делая его имманентно динамичным. Что-то похожее можно видеть на примере геометрии фракталов, которая уже полюбилась географам и привлекает их внимание.

Подытоживая вышеизложенное, скажем так: в современной науке пространство имеет слишком зависимый онтологический статус, оно зависит от метрики, масс, мест, энергии, движения, графики, набрасываемой на пустоту. В такой смысловой многоликости пространству трудно претендовать на роль основного и главного объекта изучения географической науки, даже если оно не просто пространство, а земное геопространство.

ОЙКОС

Кроме пространства-геопространства, серьезным претендентом на роль основополагающего объекта исследования географии выступает *ойкос* — Земля “как дом человечества”, экосистема. Чтобы слишком явно не подчеркивать параллели с биологией, которые напрашиваются, к экосистемам часто присоединяют корень слова “гео-”, целый ряд других лексем типа “техно-”, “социо-”, “антропо-”, “демо-” и т.п. Получается много цветастых категорий, объединенных ойкосом/эко-. Самая популярная сегодня — *геоэкосистема*. Но геоэкологические категории методологически коварны. Если видеть в “экологии” биологическую науку, то они придают явлению природы биологический смысл. В этом случае обращение к категории ойкоса для географа чревато биологическим редукционизмом. Либо же, если “эко-”, на чем сегодня настаивает большинство ученых, не позиционирующих себя биологами, обозначает эвфемическую “науку обо всем” — междисциплинарность, трансдисциплинарность, — изучение ойкоса будет банально беспредметным. У междисциплинарности нет своего собственного и специфического объекта исследования. Система, как бы ее не называть, это не объект, а конструкция. Довольно давно это убедительно показал А.Д. Арманд (1988) в своей не утратившей актуальности статье “Ландшафт как конструкция”.

Взгляд на основной объект исследования географии как на ойкос стар. Он восходит к Геродоту и Страбону, но в более-менее строгую методологическую и методическую систему этот взгляд оформился только в XIX в. — в трудах Карла Риттера и Фердинанда Рихтгофена (Джеймс, Мартин, 1988).

Идея ойкоса как базового объекта географии воплотилась в таких учениях, как географический детерминизм, антропогеография, теории географической оболочки и географической среды, концепция культурного ландшафта, а сегодня является основой для методологии ландшафтной экологии и геоэкологии. Но в каких бы формах ойкос не претендовал на место основного объекта исследования географии, он

ведет ее либо к биологическому редукционизму, либо к эвфемической междисциплинарности. И первое, и второе препятствует тому, чтобы ойкос стал онтологически главным объектом изучения географической науки.

Однако биологическим редукционизмом и объектной неопределенностью междисциплинарности эпистемологические зловключения ойкоса не ограничиваются. Большие неприятности в этом смысле ему приносит... сам “хозяин дома” — человек. Пока речь идет о культурном ландшафте и о рациональных формах поведения человека в создаваемой им географической оболочке, болезненных и непреодолимых вопросов перед географом не возникает. Но как только на предметную и методическую сцену выходит понятие *акультурного ландшафта*, а сегодня еще и такие монструозные понятия, как *антиландшафт* Каганского (2001) или мое — *ландшафтоид* (Тютюнник, 2010), которые просто перенасыщены абсурдистскими формами человеческого поведения, перед географией во весь рост встают проклятые *экзистенциальные* вопросы. Понятие абсурда основополагающее для философского экзистенциализма. В географическом смысле он с достаточной очевидностью проявляет себя в том, что человек одновременно и создает географическую оболочку, и уничтожает ее: достаточно гротескная, но эвристически и логически довольно точная иллюстрация одного из главных тезисов философского экзистенциализма — о *бытии-ради-смерти*. В своей экологической (и не только) ипостаси такая форма бытия сегодня движется семимильными шагами. Казалось бы, уже нет никаких географических, онтологических, моральных, методических, политических, педагогических и иных рекомендаций, которые наука, философия, искусство и религия не сформулировали бы с целью прекратить разрушение планеты человеком. Но разрушение продолжается. Это абсурдно или логично?

Человек — очень большая проблема. Если ойкос принять как основной объект изучения географии, то именно на человека следует фокусировать онтологию, методологию и метод географической науки. Готова она к этому? И да, и нет. Да — потому, что к такому повороту подталкивают сам ход истории, веление времени, задача сохранения планеты и выживания человека на ней. Нет — потому, что до сих пор решения проблем, порожденных homo sapiens, видятся географам на пути Прогресса, в рамках 400-летней новоевропейской традиции рациональной науки Рене Декарта, с верой в то, что поведение человека на Земле определяет Разум. Но практические результаты, к которым привел картезианский научно-технический рационализм, заставляют нас усомниться в этом. Пока

не заметно, чтобы новоевропейская наука была в состоянии предложить что-то такое, что смогло бы кардинально исправить экзистенциально-экологическую ситуацию на текущем и грядущем отрезках истории. Поэтому и становится востребованным пересмотр способов мирообъяснения новоевропейской наукой с географией включительно. Сегодня голоса в его, пересмотра, пользу крепнут в тех областях философской мысли и культуры, которые называются постмодернизмом, диалетеизмом, постгуманизмом, трансгуманизмом, тоталлогией или чем-то похожим.

ЛАНДШАФТ

Отношение к географии как к науке о ландшафте в конце XVIII — первой половине XIX в. резонно связывают с именем Александра фон Гумбольдта. По нашему мнению, с методологической и методической точки зрения, близкими, хотя и “стихийно”, к такому пониманию географии были автор первого (1805 г.) научного определения ландшафта военный географ Генрих-Готлоб Гомейер и виртуоз полевого комплексного географического описания территории Давид Ливингстон. Однако, с онтологической точки зрения и во вполне осознанном виде, эта мысль была сформулирована только в 1880—1900-х годах немецкими географами Йозефом Виммером и Отто Шлютером (Джеймс, Мартин, 1988). Среди немецких географов взгляд, согласно которому как фундаментальная наука география тождественна ландшафтоведению (*Landschaftskunde*), быстро завоевал популярность и на долгие годы полноценно утвердился в германских географических школах. К идее “география = *Landschaftskunde*” склонялись, прямо или косвенно ее поддерживали такие географы как Э. Банзе, Х. Бобек, К. Бюргер, Л. Вайбель, Э. Винклер, Г. Кароль, Н. Кребс, Г. Лаутензах, А. Лёш, Э. Нееф, Р. Хепке, Й. Шмитхюзен и др. Среди ее сторонников были и экономико-географы, которые в 1930—1940-х годах разработали понятие *экономического и промышленного ландшафта*. Даже корифей немецкого пространствоведения А. Геттнер высказывался в контекстах, близких к парадигме “география = *Landschaftskunde*”. Он писал, что пространственные выделы географии являются не абстрактными или геометрическими конструкциями, а реальными комплексными объектами, составленными из вещей и предметов, вещества, феноменов, людей и др. (Геттнер, 1930, с. 120, 178, 209). То есть, по существу, пространственные выделы географии — это ландшафты. Менее явно, но идея “география = *Landschaftskunde*” проявляла себя в гуманитарно-пейзажных школах французской

географии — в работах Э. Реклю, П. Видаля де ля Блаша, Ж. Брюна, М. Ронаи и др., а также в культур-ландшафтоведческой концепции американца К. Зауэра (Джеймс, Мартин, 1988).

В русскоязычной географии начала XX в. оперативно и глубоко на тезис “география = *Landschaftskunde*” уже в 1910-е годы отреагировал Л.С. Берг. Он безапелляционно заявил, что “география является наукой о ландшафтах” (Берг, 1958, с. 115). Спустя два десятилетия с аналогичными заявлениями выступил основоположник геохимии ландшафтов Б.Б. Полюнов: “Суть современной географии составляет новая наука — наука о ландшафте” (1952, с. 396). Интересно, что Полюнов предвидел методологические сложности географии-ландшафтоведения после того, как в центр ее проблематики будет поставлен человек и производимые им трансформации ландшафтов; он писал: “Автор не сомневается, что в ландшафтах, которые наблюдаются в странах высокой культуры, образуются отношения, для изучения которых нужно применить методы, не свойственные естествознанию и автору неизвестные” (Полюнов, 1952, с. 398). В 1970-е годы эта мысль будет повторена известным геоморфологом А.Г. Доскач с соавторами (1977); ею будут подчеркнуты своеобразие, необычность и даже таинственность географических результатов взаимодействия тех законов, по которым функционируют общество и природа.

Осторожнее похожие взгляды на географию и ландшафт высказывали и некоторые другие ученые первой половины XX в., которых история географии относит к основоположникам советского ландшафтоведения. Географ А.А. Борзов писал: «В географии мы <...> исследуем группы разных явлений природы и жизни в том виде, как они сложились в естественные комплексы “ландшафты”; интересуемся основными чертами каждого ландшафта и теми закономерностями, которые определяют его органическое единство, и пытаемся проследить влияние характера ландшафта на все вторичные производные явления» [цит. по (Саушкин, 2011, с. 70)]. Лесовод и геоботаник Г.Ф. Морозов считал “живой и деятельной географией” мелиорацию (1926, с. 22), т.е. по существу вел речь о том, что позже станут называть конструктивной географией. Как заметил А.Г. Исаченко (2012, с. 272), ученый однозначно связал лесоводство с “докучаевской географией, которую не отделял от учения о ландшафте”. В ландшафте он видел интегративное явление, охватывающее явления природы и общества в “типичных систематических формах” (Морозов, 1926, с. 22). Луговед-фитоценолог Л.Г. Раменский (1938, с. 189) писал о “полном определении ландшафта как интегрального отображения местных и культурных

условий”, подчеркивал, что “каждый природный ландшафт полон глубокого и оригинального производственного содержания”.

В послевоенной советской географии тенденция отождествлять географию и ландшафтоведение также имела место, но в отличие от немецкой, она была слабой. Высказывания в духе “география = *Landschaftskunde*” звучали негромко. Иногда с помощью ландшафтоведения пробовали вдохнуть новые силы в положение о *единой географии*, вокруг которой было сломано столько теоретических “копий”. Но находились и географы, которые вообще ставили под сомнение существование ландшафтоведения (Исаченко, 2005). Такое, мягко говоря, “спокойное” отношение в географии СССР 1940–1980-х годов к ландшафту, как интегрирующему началу науки, как к естественному феномену, способному абсорбировать в себя общество, объяснялось довольно просто: засильем в СССР так называемого марксизма-ленинизма — исключительно догматического политического учения, претендующего и на научность, и на философичность. Согласно ему, человек и общество (“социальная форма движения материи”) были в мироздании чем-то исключительным и выдающимся (утверждение, само по себе не специфичное для марксизма, которое является методологическим наследием картезианского рационализма и прекрасно вкладывается в рамки также “буржуазного” позитивизма). Явления природы должны рассматриваться по отношению к обществу как подчиненные — хотя бы в контексте сложности. Следовательно, их можно и нужно завоевывать, эксплуатировать, оптимизировать и пр. В СССР и странах “социалистического лагеря” марксизм-ленинизм стал надежным методологическим (и административным!) препятствием для включения человека в ландшафт и принятия ландшафта в качестве главного объекта изучения географической науки.

Тем не менее, в 1940-е — первой половине 1980-х годов в СССР было довольно много географов, которые если не в явной, то в скрытой форме, если не прямо, то исподволь, если не полностью, то частично, но симпатизировали тезису “география = *Landschaftskunde*”: В.А. Анучин, И.Ф. Зайцев, А.Г. Исаченко, В.С. Преображенский, Ю.Г. Саушкин, В.Б. Сочава, С.П. Суслов и др. Некоторые ученые интеграционную суть понятия ландшафта “маскировали”, используя не само это слово, а понятия, близкие по существу, например, *геосистема* (В.Б. Сочава и сторонники системного подхода). Другие авторы к понятию ландшафта добавляли уточняющие эпитеты: *культурный ландшафт* (Ю.Г. Саушкин и приверженцы культур-ландшафтоведения), *экономический ландшафт* (И.Ф. Зайцев), *инте-*

гральный ландшафт (И.А. Горленко). Начиная активно эксплуатироваться понятие геоэкосистемы, которое в ряде моментов методически неплохо выполняло интегративные функции ландшафта. Однако в целом вплоть до 1990-х годов методологическая ситуация в контексте “география = *Landschaftskunde*” в постсоветской географии оставалась прежней: есть ландшафт, есть человек и есть нечто, образующееся в результате их взаимодействия. Это поле взаимодействия называли по-разному, постоянным оставалось одно: человек не является органической частью ландшафта, ландшафтным компонентом; он — субстанция и фактор, влияющие на ландшафт извне.

Но с конца 1980-х годов “единственно правильное” учение марксизма-ленинизма начало отходить в историческую тень и все идеологические препятствия для методологической и философской мысли стали сходить на нет. Появилась возможность игнорировать догмат и отнестись к человеку с его машинами как гекомпоненту, равному другим. Ландшафтоведы 1990-х годов этой возможностью воспользовались, хотя и не массово. В защиту тезиса “человек с его домами и машинами являются полно- и равноправными ландшафтными компонентами” выступили К.Н. Дьяконов, В.С. Преображенский, И.Е. Тимашов, Ю.Г. Тютюнник и др. Думаю, не нужно долго доказывать, что принятие данного тезиса — если не прямое, то полноценное косвенное признание того, что “география = *Landschaftskunde*”. Ландшафт, органически включая в себя человека с орудиями и продуктами его деятельности на правах гекомпонентов, в самом деле, становится всеохватывающей и всеобъемлющей категорией географической науки.

ПРОБЛЕМЫ, ПОРОЖДАЕМЫЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕМ ГЕОГРАФИИ С ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЕМ

Для постсоветской географии это была качественно новая онтологическая и методическая ситуация. Она открыла перед географической наукой заманчивые эпистемологические перспективы, но она же породила новые, либо вызвала к жизни позабытые старые — необычные, нестандартные и довольно трудные проблемы.

Самым быстрым, очевидным и эффективным методологическим результатом принятия концепции “география = *Landschaftskunde*” является то, что география раз и навсегда избавляется от проклятия по имени “система наук”. Попутно вопрос о ее единстве сам собой снимается. Но за все нужно расплачиваться. Новые и хорошо забытые старые методологические, методические проблемы не замедлили дать о себе знать.

Сегодня они множатся и крепнут, на некоторые наиболее каверзные мы укажем.

Вспомним аллюзию Полюнова — Доскач: таинственность и неизведанность того “третьего”, что получается в результате взаимодействия общества и природы. От ойкоса мы отказались, значит, возврат к концепции “дома человечества” и географической оболочки, обращение к ее новейшим дериватам типа геоэкосистемы методически и онтологически закрыты. Вопрос о единой географии снимается, но системно-синергетический подход порождает больше вопросов, чем дает ответов. Таинственность “нового” объекта географии передается изучающим его наукам, которые, в то же время в практическом отношении какими были, такими и остаются: а) отраслевыми физико-географическими (естественно-географическими), б) отраслевыми экономико-географическими (гуманитарно-географическими), в) собственно ландшафтоведением. Даже если географам удастся из “а + б” синтезировать методически нечто новое — геоматическое? геотопическое? тотально-геоэкологическое? метагеографическое? — ландшафтная карта останется ландшафтной картой, почвенный разрез — почвенным разрезом, горные породы — состоящими из минералов, которые нужно выучить и знать, а аэробий деятельного слоя фации — так и останется до конца не изученным даже профессиональными энтомологами (Тютюнник, 2009). Онтологически вопрос о “географии = *Landschaftskunde*” можно считать закрытым, но методически он не просто остался, а еще и расширился: внутри ландшафта на правах его элементов стали жить человеческий мозг и душа, а с ними сегодня у науки — не только географической — проблемы такие, что некоторые науковеды начинают всерьез рассуждать об умирании науки (Никифоров, 2011). Не заходя столь далеко, приглядимся пристальней к тому, какие проблемы рождает мозг и душа человека, инкорпорированные в ландшафт.

А.К. Черкашин в 1997 г. обратил внимание на тот простой факт, что человек в геосистему привносит неизбывные логические противоречия и ошибки, для работы с которыми он предложил даже особый род диалектики — *триалектику* и *полилектику* (с. 37, 44, 444). Нет, о противоречиях и парадоксах в ландшафте, конечно же, знали и раньше, но: 1) они представлялись “временными недостатками”, которые по мере движения Прогресса должны преодолеваются самой историей (классическая ментально-методологическая калька картезианства); 2) они виделись исчезающими по мере усовершенствования формализма и исчисляющей точности формализованных методов, как в географии, так и “внутри” наук физико-математического

цикла. Однако и история — как ход житейских событий, и математика — как наука — очень сильно подвели и продолжают подводить ландшафтоведов, уповающих на рациональное преодоление противоречий, привнесенных в ландшафт поселившимся внутри него человеческим мозгом и душой. История — сегодня, недавно вчера и в приходящем будущем — являет нам события, которые весьма далеки от того, чтобы интерпретироваться в рамках картезианской рациональности и новоевропейского прогрессизма. А “царица наук” (К.Ф. Гаусс) математика, ответственная за точные методы, в XX в. сама себя озадачила таким количеством умственных парадоксов, противоречий мышления и методического субъективизма (например, в области так называемого математического интуиционизма), что ее попытки глубинно и кардинально развить точные методы, опираясь на привычный новоевропейский рационализм, все сильнее и сильнее стали напоминать благие пожелания, высказываемые в адрес истории поклонниками “сбалансированного развития”... Впору внимательней отнестись к триалектике и полилектике Черкашина как особой диалектике ландшафтоведения и новейшей форме его формализации, тем более, что теория и практика сосуществования разума с неразрешимыми парадоксами и противоречиями уже оформилась во вполне кондиционное философское и логическое учение *диалетеизма* (Прист, 2022).

Человеческая душа в ландшафте вообще никак не представлена — это очевидно и в методическом смысле, и в аксиологическом, и в онтологическом. Религиозные, откровенно идеалистические и мистические моменты упоминать не станем, сами по себе они весьма интересны и актуальны, но — вне сферы науки (по крайней мере, пока). Материалистическими и квазиматериалистическими — герменевтическими, феноменологическими, психоаналитическими проблемами души наиболее обеспокоена философия *экзистенциализма*, а она кладет в основу своего мирообъяснения противоречие не простое, а доведенное до кондиции *абсурда*. Пока речь идет о таком онтологическом противоречии как *бытие-к-смерти*, с ним посредством тех или иных философских манипуляций еще можно как-то справиться: об этом свидетельствует опыт Мартина Хайдеггера. Но когда речь заходит о *сизифовом труде* человека “в” бытии, то методологические попытки заканчиваются плачевно: на выходе из экзистенциалистского туннеля начинает маячить *вопрос о самоубийстве* как главный вопрос философии, согласно Альберу Камю. Здесь мы подходим к тому методологическому пределу, за который большинство географов сегодня не хотят переступать. Потому что дальше

предметом исследования ландшафтоведения-географии должна стать проблема, которую можно сформулировать так: *абсурд в ландшафте и ландшафты абсурда*.

На этом мы оборвем дискурс данного подраздела статьи. Во-первых, мы вступаем в область нетривиальных и в методологическом смысле опасных рассуждений-споров уже на некотором удалении от заявленной автором темы. Во-вторых, я вовсе не хотел бы эпатировать уважаемых коллег онтологическими и методическими “монстрами”, рождаемыми в лоне географии-ландшафтоведения, зависимого от экзистенциальных ситуаций абсурда⁴. Я хочу подчеркнуть другое: раз ландшафт, отстаивая свои права на статус основного объекта географии, способен порождать необычные, нестандартные, противоречивые, опасные и где-то даже проклятые вопросы онтологии, методологии и метода, значит, его права на этот статус имеют под собой веские основания.

ЭКСПАНСИЯ ЛАНДШАФТА И ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА ЕГО ОНТОЛОГИИ

Сегодня ландшафт эпистемологически очень агрессивен. Эта агрессивность выросла на наших глазах. Сначала “ландшафт” (а в романоязычных странах “пейзаж”) стал употребляться в виде символа и метафоры — где надо и где не надо, практически во всех сферах общественной жизни и практики. Затем “ландшафт” в качестве научной или квазинаучной категории позаим-

⁴ Одним из нетривиальных примеров такой зависимости могло бы быть утверждение о том, что абсурд ландшафту не просто имманентен — само рождение понятия ландшафта в ряде важных моментов (эту важность еще предстоит взвесить и осмыслить) обязано абсурдистскому мировосприятию и миропониманию, как минимум, в христианской традиции. Валерий Подорога в “Метафизике ландшафта” (2013), анализируя экзистенциализм Сёрена Кьеркегора, показал, что абсурдный поступок Авраама — покушение на жертвенное убийство собственного сына, — поступок легший в основу онтологии авраамических религий, этот поступок не просто требовал места, он был не только имплицитен ландшафту горы Мориа, он, поступок этот, в метафизическом смысле конституировал сам ландшафт как ландшафт абсурдистского действия, дающего начало религии. Если же вспомнить, что понятие и слово “ландшафт” появилось в культуре в 830 г. в скрипториях Фульдского монастыря в процессе нетривиального перевода с латыни на древневерхненемецкий “Евангелической Гармонии” сирийского богослова Татиана, а будучи порожденным глубочайшими актами христианской экзегезы и герменевтики, то можно предположить, что экзистенциальный абсурд являлся одним из важных смысловых и онтологических факторов конституирования категории ландшафта в мировой культуре. Эта необычная философско-методологическая и историко-научная проблема ждет своих исследователей.

ствовавали... физика (“космический ландшафт”, “суперструнный ландшафт”, “электронно-энергетический ландшафт”) и химия (“молекулярный ландшафт”, “ландшафт вычислительной химии”) (биология и история понятием ландшафта оперировали исстари). Сегодня трудно найти сферу дискурса, где бы ни употребляли если не понятие, то слово “ландшафт” и/или “пейзаж”. Географы от этого не в восторге. Но что если *пролиферацию* (по Полу Фейерабенду) понятия “ландшафт”, коль скоро оно, хотим мы того или нет, проявляет такую эффектную эпистемологическую агрессивность, попытаться обернуть на пользу географии-ландшафтоведению? Можно используя понятие ландшафта в качестве “троянского коня” для ввода в научное, философское, бытовое мышление ландшафтного подхода к миропониманию и мирообъяснению, оландшафтить их, что ли... Ничего необычного в этом нет. Представители ряда научных цехов “скромно” так рассуждают о тотальной математизации-формализации, информатизации, гуманитаризации, экологизации смежных и далеко не смежных наук, а также общественной мысли и практики. Не обходят стороной и географию, которую одни исследователи стремятся как можно глубже и шире математизировать и информатизировать, другие — гуманитаризировать, третьи — экологизировать... А почему бы ситуацию не развернуть на 180 градусов и не географизировать-ландшафтизировать коллег по научным цехам, а заодно и философов? Попытки такого разворота, пусть и негромкие, у географов были, например, в работах В.С. Преображенского (1979, 1993). А термином *ландшафтизация* уже зарыбила литература, особенно — близкая к ландшафтному планированию, архитектуре и дизайну... Есть ли потребность повторять, что взгляд на “ландшафт” как дискурсивно-гносеологический феномен, порожденный в лоне географии, но сегодня активно бытующий за ее пределами, да и сама возможность такого взгляда являются еще одним подтверждением того, что заявка ландшафта на статус онтологического базиса географической науки — небезосновательна?

Каким бы разнообразным ни было нынешнее активно происходящее, хотя большей частью и стихийное, “оландшафствование” дискурсов и эстетик, мышления и воображения, парадигм и терминологий — неважно, идет ли речь о ландшафте как о реальном объекте или только о ландшафте-метафоре (символе, симулякре, образе и т.д.), все оно, это разнообразие, должно подводиться под какую-то фундаментальную общую черту, под твердую онтологическую основу, воплощаться в таких феноменах бытия, увидеть, понять и объяснить которые невозможно без

обращения к категории ландшафта и ландшафтно-географическому мировидению. Или, иными словами, в бытии должно существовать нечто такое — пусть это будет основание: в смысле Хайдеггера (1999), что возможно только как ландшафт. Никакая другая фундаментальная наука подобного онтологического основания не имеет и в качестве базового для себя объекта не рассматривает. В таком контексте укажем на три онтологических свойства ландшафта, которые позволяют говорить о нем как об онтологически специфическом объекте (но очевидно, эта тема куда обширнее).

Сформулируем вопрос так: что самое характерное для ландшафта? с чего начинается ландшафт, как феномен или форма или объект бытия? какие первичные (“атомарные”) элементы смысла могут быть использованы для конституирования понятия ландшафта?

Один из возможных вариантов ответа.

Онтологическим истоком ландшафта называется то *проявление* бытия, которое в русском языке обозначается предлогом и/или префиксом “с”/“с-”, “со”/“со-”, а в других языках — аналогичными лексемами. Сегодня, в философии Постмодерна вокруг *со-* (ограничимся таким написанием, не делая при этом различия между предлогом и префиксом) сформировалась даже своеобразная онтология — *онтология-со-*: скажем так. “Сущность бытия, — утверждает один из ее разработчиков Ж.-Л. Нанси, — существует лишь как со-сущность. <...> Со-сущность, или со-бытие — бытие-со-многими, — означает <...> сущность *со-* или еще, и даже скорее, само это *со-* в положении или в качестве сущности <...> Если бытие это со-бытие, в со-бытии именно это *вместе* и создает бытие, а не прибавляется к нему” (2004, с. 58). Да просто «бытие “есть” это *со* <...> заключается в приставке “со”» (Нанси, 2009, с. 163).

В рамках своеобразной онтологии первичности “со-” можем идентифицировать, как минимум, три важнейших свойства, характеристических для ландшафта и одновременно конституирующих его: 1) пространственность ландшафта, 2) его множественность и 3) целостность или эмерджентность.

Первое свойство “получается” так. Как показал Нанси, пространство «есть возможность некоторого “с”» (Нанси, 2004, с. 101). Пространство возникает тогда, когда нужно отличить одно от другого. Значит исходным, изначальным свойством, обнаруживающим пространственность ландшафта, будет тот смысл и та онтология, которые в языке выражаются с помощью *со-*: оно в п е р в ы е указывает на тот промежуток, который отделяет одно от другого: “одно

с другим...”, “первое *со* вторым...”, “в сравнении с...”, “в связи с...” и т.д. Акт различения, как резонно замечает Жиль Делёз (1998), имеет первейшее онтологическое значение. Без различения вообще невозможно ничего сказать о бытии (во всяком случае, рациональным способом). О бытии можно заводить речь тогда, когда одно с другим, а между ними — пустота; *со*- конституирует пустоту, тот промежуток, которым одно **отделяется** от другого. Собственно, это и есть пространство, древнейшее его понимание — как пустоты. В языке хорошо передается понятием *между* и, по нашему мнению, является тем, что можно назвать *первичной географичностью* (Тютюнник, 2011).

Конституирование пространства посредством *со*- приводит к понятию бытия как *множественности*. Если кроме одного есть другое, то ничто нам не мешает “получить” и третье, а далее — в бесконечность вплоть до знаменитого канторовского трансфинитного числа ω . Прием прерывания потока бытия с помощью о д н о г о (например, акта “раз”), которое повторяется, пользовался А.Ф. Лосев для “получения” натурального числа и натурального ряда (Лосев, 2013). Способ не сложный, но довольно абстрактный, требующий некоторого философского “напряжения”. Понятие числа можно проще получить из множественности: достаточно просто взглянуть вокруг. Множественность рождается окружающим миром сама по себе, ибо, всматриваясь в мир, мы видим только ее и ничего больше. Далее, достаточно к явлению первичной множественности применить дискурсивную операцию того или иного рода (это уже дело математиков), чтобы “на” ней получить некую интуицию или абстракцию, называемую *множеством элементов*. Элементы при желании несложно представить числами, например, снабдив их номерами. Для географической полноты картины, являемую бытием множественность назовем ландшафтом: *никаких онтологических запретов на это нет*.

Третье онтологическое свойство ландшафта, конституируемое в рамках онтологии *со*- и являющееся его характеристическим свойством, передается понятием *целостности*, иногда говорят о комплексности, иногда об эмерджентности или холизме, но наиболее удачно выразился, по-видимому, известный математик Петр Вopenка, сказав так: *то, что состоит из объектов, тоже является объектом* (2004, с. 50–51). Сегодня этот постулат считается одним из главных для математиков, отражающим фундаментальное свойство объекта, называемым ими множе-

ством⁵. Нынче этот постулат рассматривается как базовый для теории множеств. Но бытие не предстает целостным объектом, оно целостность только подразумевает — умозрачительно, интуитивно, экстатически, абстрактно и т.д. Являет же себя бытие множественностью и только множественностью — никак не иначе. То, что множественно, можно именовать объектами, компонентами, частями, единичностями, но лучше всех подходит понятие элемента, которое не только издавна используется в ландшафтоведении — *элемент ландшафта*, но которое также имманентно множественности. Хотя бы уже потому, что согласно своему исходному смыслу, слово “элемент” означает “один в ряду” (ср. рус. “рядовой”) (Федотова, 2005). Элемент — это единичность, которая подразумевает множественность. Множественность же, являясь нам миром-совокупностью элементов (и никак не иначе), отсылает нас к единичности, которую интуиция репрезентирует дискурсу понятием целостности. Так воспринимаемое и так понимаемое бытие Жан-Люк Нанси назвал *бытием единичным множественным* (2004). Желая глубже познакомиться с онтологией такой формы бытия и его свойствами, стоит обратиться к текстам цитируемого французского мыслителя. Мы же, завершая статью, акцентируем следующее. Никакая фундаментальная наука, кроме географии, не базируется на онтологии-*со*-. Никакая фундаментальная наука, кроме географии, не рассматривает явление бытия как единичной множественности в качестве главного и основополагающего объекта своих исследований. Единичная множественность — это ландшафт.

ВЫВОДЫ

1. История географии как фундаментальной науки дает основания полагать, что ею в качестве онтологически базовых — основных объектов исследования всегда рассматривались и продолжают считаться: а) пространство (геопространство); б) ойкос (геоэкосистема, географическая оболочка, Земля “как дом человечества”);

⁵ Впрочем, сам Вopenка отдает приоритет Бернарду Больцано, который еще в середине XIX в. сформулировал эту идею, правда довольно замысловато: “Мы говорим о понятии, лежащем в основе союза и. Для того, чтобы сделать это понятие настолько ясным, насколько этого во множестве случаев требуют математика и философия, я думаю, лучше всего выразить его следующими словами: совокупность известных вещей или целое, состоящее из известных частей. При этом мы должны установить, что эти слова принимаются в том широком значении, что во всех предложениях, где употребляется союз и, предмет речи есть известная совокупность предметов, целое, состоящее из известных частей” (Больцано Б. Парадоксы бесконечного / пер с нем. § 3. <http://bbi-math.narod.ru/bolzano/p0110.html>).

в) ландшафт. Обычно базовые объекты исследования рассматриваются в более или менее тесной связи.

2. С онтологической точки зрения, базовым — основным объектом исследования географии как фундаментальной науки следует считать только ландшафт. В таком случае география отождествляется с ландшафтоведением. Эта точка зрения, восходящая к трудам А. фон Гумбольдта, в четкой форме сформулирована в 1880—1900-х годах Й. Вимером и О. Шлютером; получила признание в германских географических школах; а в отечественной физической географии в первой половине XX в. прямо или косвенно была поддержана Л.С. Бергом, А.А. Борзовым, Г.Ф. Морозовым, Б.Б. Полыновым, Л.Г. Раменским.

3. Признание за ландшафтом статуса базового — основополагающего объекта исследования географии, избавляет ее от словопрений о единой географии; о географии, как системе наук; о географии как разновидности геоэкологии; о географии как междисциплинарной науке; о метагеографии и т.п. Одновременно перед географической наукой, понятой как ландшафтоведение, встают новые неординарные и трудные онтологические, методологические, методические вопросы (например, проблема ландшафтов абсурда). Способность генерировать трудные онтологические вопросы — косвенный признак фундаментальности науки.

4. На рубеже XX—XXI вв. понятие ландшафта начало проявлять незаурядную эпистемологическую агрессивность, проникая в самые разные области науки, культуры, общественной практики. Этот факт также можно трактовать как свидетельство фундаментальности географии, если она позиционирует себя как ландшафтоведение и принимает в качестве базового объекта исследования именно ландшафт.

5. Как фундаментальная наука география изучает особые формы проявления бытия — как бытия единичного множественного, и руководствуется при этом своеобразной онтологией — онтологией-со-. В рамках этой онтологии конституируются такие свойства основного объекта исследования географии как пространственность, множественность и целостность. Сам же объект является ландшафтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арманд А.Д. Ландшафт как конструкция // Изв. ВГО. 1988. Т. 120. Вып. 2. С. 120—125.
- Берг Л.С. Предмет и задачи географии / Избр. тр. Т. 2. Физическая география. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 112—119.
- Веденин Ю.А. Мой путь в географию искусства // География искусства: междисциплинарное поле исследований. М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 13—28.
- Виноградский С.Н. Микробиология почвы. Проблемы и методы / пер. с фр. М.: Изд. АН СССР, 1952. 792 с.
- Вопенка П. Альтернативная теория множеств: Новый взгляд на бесконечность / пер. со словац. Новосибирск: Изд-во Института математики, 2004. 612 с.
- Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы / пер. с нем. Л.—М.: Гос. изд., 1930. 419 с.
- Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 1980. 645 с.
- Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. История географических идей / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
- Доскач А.Г., Трусов Ю.П., Фаддеев Е.Т. Философские вопросы современной географии // Философские вопросы географии: сб. М.: Знание, 1977. С. 30—46.
- Забелин И.М. Астрогеография (ее предмет и задачи). М.: Географиз, 1958. 64 с.
- Исаченко А.Г. Географические идеи Г.Ф. Морозова / А.Г. Исаченко. Изб. тр. (К 90-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во ВВМ, 2012. С. 262—279.
- Исаченко А.Г. К истории первого поколения советских географов. К столетию В.В. Покшишевского, О.П. Чиждова, К.А. Салищева, И.П. Герасимова // Изв. РГО. 2005. Т. 137. Вып. 2. С. 1—13.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. М.: Изд-во “Новое литературное обозрение”, 2001. 572 с.
- Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 1997. № 5. С. 16—31.
- Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
- Морозов Г.Ф. О соотношении наук, преподаваемых Лесным институтом // Лесоведение и лесоводство: сб. Лесного общества в Ленинграде. Л., 1926. Вып. 1. С. 4—27.
- Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с фр. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
- Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество / пер. с фр. М.: Водолей, 2009. 208 с.
- Никифоров А.Л. Фундаментальная наука умирает? // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы: сб. М.: Изд-во “Красанд”, 2011. С. 150—154.
- Пащенко В.М. Теоретические проблемы ландшафтоведения. Киев: Наук. думка, 1993. 284 с.

- Полынов Б.Б. Роль почвоведения в учении о ландшафтах // Полынов Б.Б. Географические работы: сб. М.: Гос. изд. географической литературы, 1952. С. 395–399.
- Подорога В.А. Метафизика ландшафта // Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков; 2-е изд., перераб. и доп. М.: “Канон+”, РООИ “Реабилитация”, 2013. 552 с.
- Преображенский В.С. Бытийный географизм и географическая наука // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. № 3. С. 40–54.
- Преображенский В.С. Феномен географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1979. № 4. С. 20–27.
- Прист Г. За пределами мысли / пер. с англ. М.: “Канон+”, РООИ “Реабилитация”, 2022. 456 с.
- Раменский Л.Г. Введение в комплексное почвенно-геоботаническое исследование земель. М.: Сельхозгиз, 1938. 620 с.
- Ретеюм А.Ю. Земные миры. М.: Мысль, 1988. 269 с.
- Саушкин Ю.Г. Географическое мышление. Смоленск: Ойкумена, 2011. 218 с.
- Солнцев В.Н. Системная организация ландшафтов (Проблемы методологии и теории). М.: Мысль, 1981. 239 с.
- Тютюнник Ю.Г. Ландшафтная энтомология: предмет исследования, становление // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 5. С. 34–43.
- Тютюнник Ю.Г. От акультурного ландшафта к ландшафтоиду // Теория и практика культурного ландшафта: матер. Всерос. науч.-практич. конф., Саранск, ноябрь 2010 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 23–32.
- Тютюнник Ю.Г. Философия географии. К.: Университет “Україна”, 2011. 206 с.
- Черкашин А.К. Полисистемный анализ и синтез: Приложение в географии. Новосибирск: Наука, 1997. 502 с.
- Федотова О.Б. Четыре элемента Эмпедокла: текстологический анализ фрагментов // ВИЕТ. 2005. № 2. С. 19–65.
- Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи фрагменты / пер. с нем. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 1999. 292 с.
- Эйнштейн А. Относительность и проблема пространства / Эйнштейн А. Собр. науч. тр.: в 4-х т. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 751–773.
- Эрекаев В.Д. Понятие пространства и мир планковских масштабов // Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности: сб. М.: ИФРАН, 2014. С. 91–107.
- Albelda J. Territorios, caminos y senderos // Fabrikart. 2004. № 4. P. 100–113.

Landscape as the Ontological Basis of Geography

Yu. G. Tyutyunnik*

Institute of Evolutionary Ecology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine

**e-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com*

Each fundamental science has its own unique, basic or fundamental, object of study. The methods and methodology of its study for this science are original and specific; they are not generated in other fundamental sciences. In ontological and epistemological respects, the basic object of research acts as the most general, deep, ultimate. Geography is related to fundamental sciences; therefore, it should have its own object of research. Historically, it so happened that the role of the fundamental object of geography research was and is claimed by (a) space (geospace), (b) oikos (Earth as the home of humanity, geosphere, geoecosystem), (c) landscape. The article shows the ontological difference between them and compares their advantages and disadvantages as basic objects of study. It substantiates the point of view that from the standpoint of ontology, the landscape best corresponds to the status of the fundamental object of study of geography. This view was formulated in the 1880s–1900s in some German geographical schools (O. Schlüter, J. Wimmer), and is popular among German-speaking authors to this day. In them, geography is equated with landscape studies (“geography as Landschaftskunde” in the words of P. James and J. Martin). In Russian-language geography, such views found their first supporters in the persons of L.S. Berg and B.B. Polynov. The ontological, epistemological and existential properties of the landscape are examined in detail, which, in the author’s opinion, can be regarded as direct and indirect evidence that the fundamental object of geographic research is precisely it. Some methodological questions and methodological problems that arise in geographical science in the event that it takes landscape as its basic object of study are outlined.

Keywords: geography, landscape science, object of study, landscape, space, oikos

REFERENCES

- Albelda J. Territorios, caminos y senderos. *Fabrikart*, 2004, no. 4, pp. 100–113.
- Armand A.D. Landscape as a construction. *Izv. RGO*, 1988, vol. 120, no. 2, pp. 120–125. (In Russ.).
- Berg L.S. Subject and tasks of geography. In *Izbrannyye Trudy. T. 2 – Fizicheskaya geografiya* [Selected Works. Vol. 2 – Physical Geography]. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSR, 1958, pp. 112–119. (In Russ.).
- Cherkashin A.K. *Polisistemnyi analiz i sintez: Prilozhenie v geografii* [Polysystem Analysis and Synthesis: Application in Geography]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1997. 502 p.
- Deleuze G. *Différence et Répétition*. PUF, 1968. 409 p.
- Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux. Capitalisme et Schizophrénie*. Minuit, 1980. 645 p.
- Doskach A.G., Trusov Yu.P., Faddeev E.T. Philosophical issues of modern geography. In *Filosofskie voprosy geografii. Sbornik statei* [Philosophical Issues of Geography: Collection of Articles]. Moscow: Znanie Publ., 1977, pp. 30–46. (In Russ.).
- Einstein A. *Relativity and the Problem of Space*, 1952.
- Erekaev V.D. The concept of space and the world of Planck scales. In *Prostranstvo kak transtsendental'naya predposylka poznaniya real'nosti: Sb.* [Space as a Transcendental Prerequisite for the Knowledge of Reality: Paper's Collection]. Moscow: IF RAN, 2014, pp. 91–107. (In Russ.).
- Fedotova O.B. Four elements of Empédocles: textual criticism analysis of fragments. *VIET*, 2005, no. 2, pp. 19–65. (In Russ.).
- Heidegger M. *Der Satz vom Grund*, 1957.
- Hettner A. *Die Geographie: Ihre Geschichte, ihr Wesen, und ihre Methoden*. Breslau: F. Hirt, 1927. 463 p.
- Isachenko A.G. Geographical ideas of G.F. Morozov. In *A.G. Isachenko. Izbr. tr. (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya)* [A.G. Isachenko. Selected Works (On the 90th Anniversary of His Birth)]. St. Petersburg: BBM Publ., 2012, pp. 262–279. (In Russ.).
- Isachenko A.G. On the history of the first generation of Soviet geographers. On the centenary of V.V. Pokshishchevsky, O.P. Chizhov, K.A. Salishchev, I.P. Gerasimov. *Izv. RGO*, 2005, vol. 137, no. 2, pp. 1–13.
- James P., Martin J. All possible worlds. A history of geographical ideas. New York: Wiley, 1981.
- Kagansky V. *Kul'turnyi landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space]. Moscow: NLO Publ., 2001. 573 p.
- Kostinsky G.D. Geographical matrix of spatiality. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1997, no. 5, pp. 16–31. (In Russ.).
- Losev A.F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [Dialectical Bases of Mathematics]. Moscow: Academia Publ., 2013. 800 p.
- Morozov G.F. On the relationship between sciences taught by the Forestry Institute. In *Lesovedenie i lesovodstvo: Sb. Lesnogo obshchestva v Leningrade. Vyp. 1* [Forestry and Forestry: Collection of Articles of Forestry Society in Leningrad. Vol. 1]. Leningrad, 1926, pp. 4–27. (In Russ.).
- Nancy J.-L. *La communauté désœuvrée*. Paris: Christian Bourgois, 1983.
- Nancy J.-L. *Être singulier pluriel*. Paris: Galilée, 1996.
- Nikiforov A.L. Is fundamental science dying? In *Budushchee fundamental'noi nauki: Kontseptual'nye, filosofskie i sotsial'nye aspekty problemy: Sb.* [The Future of Fundamental Science: Conceptual, Philosophical and Social Aspects of the Problem]. Moscow: Krasand Publ., 2011, pp. 150–154. (In Russ.).
- Pashchenko V.M. *Teoreticheskie problemy landshaftovedeniya* [Theoretical Problems of Landscape Science]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 1993.
- Polynov B.B. The role of soil science in the study of landscapes. In *Polynov B.B. Geograficheskie raboty: Sb.* [B.B. Polynov. Geographical works. Collection]. Moscow: Gos. Izd-vo Geograficheskoi literatury, 1952, pp. 395–399. (In Russ.).
- Podoroga V.A. *Metafisika landshafta. Kommunikativnye strategii v filosofskoi kul'ture XIX – XX vekov* [Landscape Metaphysics. Communication Strategies in the Philosophical Culture of the 19th – 20th Centuries]. Moscow: Kanon+, Reabilitatsiya Publ., 2013.
- Preobrazhensky V.S. Phenomenon of Geography. *Izv. Akad. Nauk SSR, Ser. Geogr.*, 1979, no. 4, pp. 20–27. (In Russ.).
- Preobrazhensky V.S. Ontological geographism and geographical science. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 1993, no. 3, pp. 40–54. (In Russ.).
- Priest G. *Beyond the limits of thought*. Cambridge: CUP, 1995. 274 p.
- Ramensky L.G. *Vvedenie v kompleksnoe pochvenno-geobotanicheskoe issledovanie zemel'* [Introduction to Complex Soil-Geobotanical Research of Lands]. Moscow: Sel'khozgiz Publ., 1938. 620 p.
- Reteyum A.Yu. *Zemnye miry* [Earthly Worlds]. Moscow: Mysl' Publ., 1988. 269 p.
- Saushkin Yu.G. *Geograficheskoe myshlenie* [Geographical Thinking]. Smolensk: Oikumena Publ., 2011. 218 p.
- Solntsev V.N. *Sistemnaya organizatsiya landshaftov (Problemy metodologii i teorii)* [System Organization of Landscapes: (Problems of Methodology and Theory)]. Moscow: Mysl' Publ., 1981. 218 p.
- Tyutyunnik Yu.G. Landscape entomology: subject of research, formation. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2009, no. 5, pp. 34–43. (In Russ.).
- Tyutyunnik Yu.G. From acultural landscape to landscapeoid. In *Teoriya i praktika kul'turnogo landshafta: Mat. Vseros. nauch.-prakt. konf., Saransk, noyabr' 2010 g.* [Theory and practice of cultural landscape. Materials of the All-Russian Sci.-Pract. Conf., Saransk, November 2010]. Saransk: Izd-vo Mordov. Univ., 2010, pp. 23–32. (In Russ.).

- Tyutyunnik Yu.G. *Filosofiya geografii* [Philosophy of Geography]. Kiev: Univ. Ukraina Publ., 2011. 204 p.
- Vedenin Yu.A. My way in the geography of art. In *Geografiya iskusstva: mezhdistsiplinarnoe pole issledovaniy* [Geography Art: An Interdisciplinary Field of Research]. Moscow, St. Petersburg: Tsenter Gum. Initsiativ, 2016, pp. 13–28. (In Russ.).
- Vopěnka P. *Mathematics in the Alternative Set Theory*. Leipzig: Teubner, 1979.
- Winogradsky S. *Microbiologie du sol: problèmes et méthodes*. Masson, 1949. 861 p.
- Zabelin I.M. *Astrogeografiya (ee predmet i zadachi)* [Astro-Geography (Its Subject and Tasks)]. Moscow: Geografiz Publ., 1958. 64 p.